

Дуаньму Цин чувствовал, что Девятнадцатый на этот раз действительно рассердился. После их свадьбы их слова и действия стали гораздо более интимными, чем раньше, и с тех пор, как они были вместе, Девятнадцатый больше не употреблял слово «подчиненный». Услышав это слово снова, Дуаньму Цин почувствовал тревогу. Он знал, что Девятнадцатый еще не успокоился.

Девятнадцатый действительно немного ревновал. Он отошел всего на мгновение, а Дуаньму Цин уже связался с кем-то другим. Раньше, если бы Шэнь Нань так навязывался, его бы уже давно отправили полететь от одного удара ладони. Что сегодня случилось? Реакция замедлилась? Такой лжи он не верил.

Лин Чэнь стоял на лодке.

— Не знаю, позволите ли мне, Лин, попросить у главы Башни пары советов?

Дуаньму Цин был занят мыслями о том, как успокоить Девятнадцатого, и не хотел отвлекаться. Не оборачиваясь, он бросил:

— Пошел вон!

Лин Чэнь не получил утвердительного ответа, но не стал настаивать. Перепрыгнув через воду, он атаковал. Дуаньму Цин не мог уделить ему внимания, приказав тайным стражам задержать его, а сам отправился искать Девятнадцатого.

Лин Чэнь был окружен, и его подчиненные попытались отвлечь стражей, пока он улетел. Дуаньму Цин не отдал приказа оставить их в живых, что означало, что их жизни не имели значения.

Дуаньму Цин обнял Девятнадцатого сзади, уткнувшись лицом в его плечо, и тихо сказал:

— Девятнадцатый, я действительно его не знаю...

Девятнадцатый молчал. В гневе он сказал лишнее, но теперь, одумавшись, уже не сердился. Однако он не хотел мириться так быстро. Ведь Дуаньму Цин всегда его обижал!

Услышав молчание Девятнадцатого, Дуаньму Цин почувствовал тяжесть на сердце.

Он повернул Девятнадцатого к себе и, стараясь угодить, сказал:

— В будущем я буду держаться на расстоянии не менее трех чи от всех мужчин, ладно?

Девятнадцатый вырвался из его объятий и посмотрел на него:

— И от меня тоже на три чи?

Дуаньму Цин быстро покачал головой.

— Как это возможно? Я хочу быть с тобой, каждую минуту не разлучаясь.

Он снова попытался обнять Девятнадцатого, но тот уклонился.

Девятнадцатый скрестил руки на груди, продолжая испытывать его:

— От мужчин на три чи, а от женщин? Прижиматься?

Дуаньму Цин был готов поклясться небом:

— Я люблю только тебя. В будущем, кроме тебя, я буду держаться на расстоянии не менее трех чхи от всех, независимо от пола. Я точно их не коснусь, честно!

Девятнадцатый все еще молчал. Дуаньму Цин подумал, что тот еще не успокоился, и осторожно предложил:

— Может, сегодня вечером ты возьмешь верх?

В конце концов, он не возражал, лишь бы Девятнадцатый перестал сердиться.

Девятнадцатый с неохотой кивнул.

— Тогда могу ли я выдвинуть одно условие?

— Можешь, конечно можешь! Говори, я выполню все!

— После сегодняшнего вечера ты не сможешь мстить, и в течение семи дней не будешь меня трогать. Мне нужно отдохнуть.

Девятнадцатый просто говорил это ради шутки. Дуаньму Цин, такой гордый человек, никогда бы не согласился на такое. Да и он сам не собирался действительно брать верх над Дуаньму Цином.

Лицо Дуаньму Цина явно изменилось. В прошлый раз, когда Девятнадцатый повредил плечо, он воздерживался больше месяца, и только в тот день, когда Девятнадцатый принял лекарство, они были вместе. Чтобы Девятнадцатый не сердился, он стиснул зубы и согласился!

Не трогать так не трогать. Воздержание тоже может быть полезным... Так Дуаньму Цин утешал себя.

Девятнадцатый удивился:

— Господин, я просто пошутил, не ожидая, что вы согласитесь. Кроме того, между нами... это не совсем соответствует...

Последние два слова Девятнадцатый не произнес.

Дуаньму Цин подошел и обнял его.

— Я выполню любое твое условие. Даже если однажды ты попросишь меня продать Башню Цинчэн, я послушаюсь. Девятнадцатый, я знаю, что в твоём сердце есть неуверенность, но однажды я заставлю тебя полностью положиться на меня.

Кто на кого больше полагался, Дуаньму Цин знал прекрасно. Не Девятнадцатый не мог без него, а он не мог без Девятнадцатого. Девятнадцатый был как воздух, как вода, часть его жизни. Без Девятнадцатого его жизнь потеряла бы смысл.

Девятнадцатый, привычно прижавшись к Дуаньму Цину, почувствовал тепло. Это стало их привычкой после того, как они сошлись. Изначально он был тайным стражем, и их статусы были слишком разными. Даже будучи вместе, Девятнадцатый чувствовал неуверенность. Если бы Дуаньму Цин действительно обратил внимание на кого-то другого, он не имел бы права что-либо возражать.

Девятнадцатый понимал, что такие чувства означали, что он влюбился. Если бы он не заботился о Дуаньму Цине, он бы не сердился из-за его связей с другими. Раньше он не понимал любви, но Дуаньму Цин научил его, что это такое.

Он повернулся, обнял Дуаньму Цина за шею и поцеловал:

— Дуаньму Цин, это ты научил меня любви, поэтому вся моя любовь навсегда связана с тобой.

Дуаньму Цин был поражен словами Девятнадцатого. Никогда бы не подумал, что такой сдержанный человек, как Девятнадцатый, способен на такие откровения.

Он долго целовал Девятнадцатого, пока тот, запыхавшись, не напомнил:

— Господин, вы же согласились на мое условие, нельзя отказываться.

— Не откажусь, не откажусь! Воздержание в обмен на признание Девятнадцатого — это того стоило!

Вернувшись в гостиницу, Дуаньму Цин вдруг вспомнил о Лин Чэне и приказал собрать информацию о нем.

Лин Чэнь назвал его главой Башни в лицо, что означало, что он знал о его статусе. Тот, кто знал его статус и осмеливался так с ним разговаривать, явно не боялся его. В мире боевых искусств все, кто знал Дуаньму Цина, относились к нему с вежливостью, боясь, что он в гневе уничтожит их логово.

Кстати, способ, которым Дуаньму Цин стал известен, был довольно необычным.

В двенадцать лет Дуаньму Цин начал странствовать по миру, а в тринадцать уничтожил Павильон Гуюэ, высоко ценимый в мире боевых искусств, за одну ночь, и он так и не восстановился.

Он не использовал жестоких методов, но все триста с лишним членов Павильона Гуюэ умерли разными способами.

Позже Шэнь Бэй и Хань Лэн спросили его, зачем он уничтожил Павильон Гуюэ. Дуаньму Цин легкомысленно ответил:

— Они мне не понравились.

Этот ответ каким-то образом распространился, и позже Башня Цинчэн стала брать деньги за подобные дела. Имя Дуаньму Цина прочно закрепилось в сердцах людей мира боевых искусств, и он успешно занял первое место в списке тех, кого нельзя трогать.

Обычные люди не хотели с ним враждовать, предпочитая оставаться незнакомцами, чем иметь с ним дело. Ведь это было равносильно самоубийству. Все, кто враждовал с Дуаньму Цином, погибли.

Двенадцатый также сообщил, что Лин Чэнь сбежал, а его люди, не справившись с ними, начали калечить себя, отрезая пальцы и используя какой-то метод, чтобы растворить кости, пытаясь таким образом уничтожить стражей. К счастью, те успели уклониться, иначе бы не вернулись.

Дуаньму Цин, отпустив его, задумался. Если это так, то их техника была похожа на ту, что

использовал Ли Цюаньху перед смертью. Возможно, это была одна и та же техника.

Он не забыл Ли Цюаньху. В прошлый раз он просто дразнил Девятнадцатого, ему нравилось, как тот шептал ему на ухо в интимной позе.

Дуаньму Цин все больше увлекался своими мыслями, забыв о деле с Демоническим учением. В его голове были только образы Девятнадцатого в страсти.

Однако он полностью забыл, что обещал Девятнадцатому воздерживаться семь дней... Поэтому огонь, который он сам разжег, пришлось тушить самостоятельно.

Одиннадцатый исследовал лекарство, которое дал ему Дуаньму Цин, и пришел к шокирующему выводу: это было лекарство для зачатия, позволяющее мужчинам забеременеть.

Он оставил немного себе, а остальное вернул Дуаньму Цину.

Узнав о действии лекарства, Дуаньму Цин серьезно спросил:

— Ты уверен?

Одиннадцатый ответил с серьезностью:

— Господин, это действительно лекарство для зачатия. Я не смею вас обманывать.

Дуаньму Цин кивнул, в его голове уже созрел план.

— Не говори об этом Девятнадцатому, понятно?

Одиннадцатый беспокоился, не собирается ли Дуаньму Цин дать это лекарство Девятнадцатому. Согласится ли тот? Что, если они поссорятся? Одиннадцатый думал о многом, но Дуаньму Цин, заметив его сомнения, похлопал его по плечу:

— Не волнуйся, это лекарство не для Девятнадцатого. Я сам его приму, поэтому и прошу тебя не говорить ему. Он точно не согласится.

— Ага.

Одиннадцатый был в замешательстве. Господин собирается принять это лекарство? Что это значит? Он хочет родить ребенка для Девятнадцатого? Или он сам переборщил с мыслями?

В прошлой жизни Девятнадцатый забеременел без каких-либо лекарств, что указывало на его особую конституцию. Если Девятнадцатый мог родить для него, он тоже хотел родить для Девятнадцатого.

Авторское примечание:

Дуаньму Цин: Ваше Величество, прошу к опочивальне!!!

Девятнадцатый: Сюда! Отправить в холодный дворец!